

Л. Н. ОГАНЯН

К ВОПРОСУ О СТИХОТВОРЕНИЯХ В. Ф. РАЕВСКОГО К А. С. ПУШКИНУ

В период своего пребывания в Кишиневе А. С. Пушкин был особенно близок с В. Ф. Раевским. Дружба русского поэта с «первым декабристом» имела огромное значение для формирования его взглядов. А. С. Пушкин очень дорожил этой дружбой и позднее, в обстановке жесточайшего террора, начавшегося после подавления восстания декабристов, писал о ней в письме к В. А. Жуковскому: «В Кишиневе я был дружен с майором Раевским, с генералом Пущинным и Орловым...»¹.

О дружбе Пушкина с Раевским в своих воспоминаниях писали А. Ф. Вельтман, И. П. Липранди и Ф. Вигель. И. П. Липранди в воспоминаниях указывал на то, что А. С. Пушкин, «когда шел разговор о каких-либо науках, в особенности географии и истории, легким ловким спором как бы вызывал противника на обогащение себя сведениями»².

Между А. С. Пушкиным и В. Ф. Раевским часто возникали горячие споры, которые способствовали дальнейшему развитию их взглядов, заставляли задумываться над рядом новых вопросов.

В этих спорах, по свидетельству Липранди, «Пушкин хладнокровно переносил иногда довольно резкие выходки со стороны противника и, занятый только мыслью обогатить себя, продолжал обсуждение предмета»³. Липранди утверждал, что споры Пушкина с Раевским, Вельтманом и Охотниковым «да-

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах, т. X. М., 1958, стр. 198.

² «Русский архив», 1866, № 10, стлб. 1447.

³ Там же.

ли толчок к дальнейшему развитию научно-умственных способностей Пушкина по предмету серьезных наук»⁴.

Страстная пропагандистская деятельность В. Ф. Раевского в ланкастерской школе, его влияние на А. С. Пушкина вызывали злобу и ненависть среди реакционных представителей тогдашнего общества. Эта ненависть нашла свое выражение в «Записках» Вигеля, в которых он всячески старался оклеветать В. Ф. Раевского, очернить его дружбу с А. С. Пушкиным. Вигель писал: «Известность Пушкина во всей России, хвалы, которые гремели ему во всех журналах, превосходство ума, которое Раевский должен был признавать в нем над собою: все это тревожило, мучило его. Он стихов его никогда не читал, не упоминал ему даже об них; поэзия была ему дело вовсе чуждое, равномерно и нежные чувства, в которых видел одно смешное сумасбродство. Однако же он умел воспалять их в других; и вздохи, сладкие мучения, восторженность Пушкина, коих один он был свидетелем, служили ему беспрестанной забавой. Вкравшись в его дружбу, он заставил его видеть в себе поверенного и усерднейшего помощника, одним словом самым искусным образом дурачил его»⁵.

Вигель, по-видимому, пытался помешать дружбе А. С. Пушкина и В. Ф. Раевского, но это ему не удалось. «Еще зипмой чутьем слышал я опасность для Пушкина, не позволял себе давать ему советов, — писал он, — но раз шутя сказал ему, что по африканскому происхождению его все мне хочется сравнить его с Отелло, а Раевского с неверным другом Яго. Он только что засмеялся»⁶.

А. С. Пушкин решительно отверг все попытки Вигеля и был по-прежнему близок с В. Ф. Раевским. Он вовремя предупредил Раевского о готовившемся аресте, и последний успел уничтожить часть материалов, характеризующих его пропагандистскую деятельность. В своих воспоминаниях Раевский писал: «Спасибо, сказал я Пушкину; я этого почти ожидал, но арестовать штаб-офицера по одним подозрениям оказывается турецкою расправой; впрочем, что будет, то будет. Пойдем к Липранди, — только ни слова о моем деле»⁷.

А. С. Пушкин был глубоко возмущен и подавлен арестом В. Ф. Раевского. Не будучи членом организации, он сочувствовал ее идеям. Это видно по взглядам поэта на крепостное право, зафиксированным в дневнике Долгорукова, по отношению к гетерии. Сравнение России с Турцией, где были возможны подобные расправы, мы встречаем в письме Пушкина

⁴ «Русский архив», 1866, № 10, стлб. 1447.

⁵ Пушкин в воспоминаниях и рассказах современников. Л., Гослитиздат, 1936, стр. 288.

⁶ Там же.

⁷ Заметка по поводу статьи В. В. Анненкова о Пушкине. «Вестник Европы», 1874, июнь, Пб., стр. 857.

к С. И. Тургеневу, написанном за полгода до ареста Раевского. Он писал: «Поздравляю Вас, почтенный Сергей Иванович, с благополучным прибытием из Турции чужой в Турцию родную... Скоро ли увидите вы северный Стамбул?»⁸.

Арест В. Ф. Раевского не разорвал духовной близости между великим русским поэтом и «первым декабристом». Как известно, Раевский из Тираспольской крепости написал свое знаменитое стихотворение «К друзьям в Кишинев», начинающееся словами «И так, я здесь... за стражей я...». В нем, описывая весь ужас допросов и следствия, он завещал Пушкину свое творчество:

Сковала грудь мою, как лед,
Уже темничная зараза.
Холодный узник отдаст
Тебе свой лавр, певец Кавказа...

Раевский призывал поэта:

Оставь другим певцам любовь!
Любовь ли петь, где брызжет кровь,
Где племя чуждое с улыбкой
Терзает нас кровавой пыткой...

Второе его стихотворение из крепости — «Певец в темнице» было передано Пушкину. По воспоминаниям Липранди, слова Раевского:

Как истукан немой народ
Под игом дремлет в тайном страхе:
Над ним бичей кровавый род
И мысль и взор казнит на плахе... —

произвели на А. С. Пушкина особенно сильное впечатление. «Он, — писал Липранди, — повторил последнюю строчку... и прибавил вздохнув: «После таких стихов не скоро же мы увидим этого спартанца». Так Александр Сергеевич иногда и прежде называл Раевского, а тот его — Овидиевым племянником»⁹.

Как известно, в ответ на послание «К друзьям в Кишинев» Пушкин написал неоконченное произведение «В. Ф. Раевскому» («Не тем горжусь я, мой певец, что привлекать умел стихами внимание пламенных сердец...») ¹⁰ и отрывок «Недаром ты ко мне взывал из глубины глухой темницы». На произведение «Певец в темнице» А. С. Пушкин ответил посланием «В. Ф. Раевскому» («Ты прав, мой друг, напрасно я пре-

⁸ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах, т. X, стр. 30.

⁹ «Русский архив», 1866, № 10, стлб. 1450—1451.

¹⁰ См. А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах, т. II, стр. 114.

зрел дары природы благосклонной...») ¹¹, которое, к сожалению, осталось незаконченным.

На протяжении XIX века революционная деятельность В. Ф. Раевского не получила освещения. Отдельные материалы в виде отрывков из его писем и стихотворений давали только смутное представление о нем. Впервые П. Е. Щеголев в работе «Первый декабрист Владимир Раевский», изданной в 1903 году, показал значение деятельности Раевского и указал на ту роль, которую играла его дружба с А. С. Пушкиным. Он писал: «Среди массы кишиневских приятелей, собутыльников, приятных и веселых собеседников, знакомых просто — Раевский был одним из немногих людей, которых поэт дарил своей дружбой, и единственным человеком, который был достоин этой дружбы» ¹².

В современных исследованиях вопрос о дружбе А. С. Пушкина и В. Ф. Раевского, о ее благотворном влиянии на формирование взглядов великого русского поэта не вызывает споров. В. Г. Базанов в своей работе «Владимир Федосеевич Раевский» писал: «Среди кишиневских друзей великого русского поэта Раевского следует поставить на первое место. Раевский несомненно оказал влияние на формирование мировоззрения и литературно-теоретических взглядов Пушкина» ¹³.

Эта же точка зрения нашла свое выражение и в других работах.

Ряд мнений существует относительно того, какие произведения А. С. Пушкина, кроме трех перечисленных выше, адресованы им В. Ф. Раевскому.

М. А. Цявловский в статье «Стихотворения А. С. Пушкина, обращенные к В. Ф. Раевскому», считал, что отрывок, начинающийся словами «Недаром ты ко мне зывал», является началом стихотворения «Не тем горжусь я, мой певец». По его мнению, эти отрывки, взятые вместе, составляют ответ на стихотворение Раевского «К друзьям в Кишинев». Заключительные же слова стихотворения, начинающегося со слов «Ты прав, мой друг...», намечают тему «Свободы сеятель пустынный». Таким образом, Цявловский считал, что стихотворение «Свободы сеятель пустынный» является «последним ответом» поэта на обращение к нему не смирившегося и в тюрьме поэта-декабриста» ¹⁴.

В. Г. Базанов в работе «Владимир Федосеевич Раевский»

¹¹ См. А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах, т. II, стр. 119.

¹² П. Е. Щеголев. Первый декабрист Владимир Раевский. СПб., 1905, стр. 42.

¹³ В. Г. Базанов. Владимир Федосеевич Раевский. Л.—М., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 4—5.

¹⁴ М. А. Цявловский. Стихотворения А. С. Пушкина, обращенные к В. Ф. Раевскому. «Пушкинский Временник», № 6. М.—Л., 1941, стр. 50.

считает, что в стихотворении «Узник» А. С. Пушкин намекает на реального узника Тираспольской крепости — В. Ф. Раевского. Он высказал также предположение о том, что набросок о Вадиме и «Песнь о вещем Олеге» в какой-то мере являются ответом Пушкина на призывы Раевского.

Проф. Д. Д. Благой в труде «Творческий путь Пушкина (1813—1826)» считает, что тема стихотворения «Узник» была навеяна вполне реальными и конкретными жизненными впечатлениями — посещением местной тюрьмы, во дворе которой, по-видимому, находился прикованный орел. «Возможно, — пишет он далее, — что когда Пушкин писал эти стихи, вспоминал он и близкого своего кишиневского друга, одного из замечательных членов тайного общества, «первого декабриста», майора В. Ф. Раевского, который был арестован в феврале 1822 года и томился в это время в «глухой темнице» — Тираспольской крепости»¹⁵. Проф. Благой соглашается с мнением Базанова, утверждавшего, что «Вадим» является ответом Пушкина на призыв Раевского воспеть Новгород, но возражает против того, что «Песнь о вещем Олеге» является такого же рода ответом. В заключение он считает, что ответ Пушкина Раевскому, начинающийся словами «Не тем горжусь я, мой певец...», по своему пессимистическому тону совпадает с «Демоном» и стихотворением «Свободы сеятель пустынный».

Проф. Томашевский в своей работе «Пушкин» также считает, что обработку сюжета о Вадиме А. С. Пушкин задумал в дни тесного общения с В. Ф. Раевским¹⁶.

Таким образом, мы видим, что существуют разные мнения о произведениях А. С. Пушкина, написанных под влиянием дружбы с «первым декабристом» и в ответ на послания Раевского. Но влияние дружбы Раевского с Пушкиным на дальнейшее развитие творчества великого русского поэта признается всеми исследователями.

Стихи Раевского «К друзьям в Кишинев» и «Певец в темнице» были написаны в Тираспольской крепости. Более ранние произведения Раевского к Пушкину неизвестны. Вполне возможно, что они были или уничтожены, или погребены в недрах архива Главного аудитората.

Начало исследования фонда Раевского в Главном аудиторате было положено Семевским, который опубликовал цитату из стихотворения «Подражание Вольтеру» («Смеюсь и плачу»). Фонд Раевского стал изучаться только после Великой Октябрьской социалистической революции.

¹⁵ Д. Д. Благой. Творческий путь Пушкина (1813—1826). М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950.

¹⁶ См. Б. Томашевский. Пушкин. Кн. 1. (1813—1824). М.—Л., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 438.

Публикации М. А. Цявловского¹⁷, Ю. Г. Оксмана¹⁸, П. А. Бейсова¹⁹, В. Г. Базанова²⁰ и сборник стихотворений В. Ф. Раевского, подготовленный к печати В. Г. Базановым, дали возможность более полно показать общественно-политическую роль «первого декабриста» и его литературное наследство.

Работа над фондом Раевского связана с большими трудностями. Рукописи стихотворений и записок подшиты в следственном деле не в последовательном порядке. В некоторых папках листы были так перетасованы, что восстановить их последовательность крайне трудно. Возможно, что все листы были умышленно смешаны самим Раевским или его ближайшими друзьями, для того чтобы лишить следователей возможность использовать материал для обвинения. Эта предосторожность помогла при первом расследовании. Сабанеев почти ничего не использовал из литературного материала для обвинения Раевского. Только военный суд Литовского Военного корпуса, рассматривавший дело Раевского два с половиной года, разобрался в части материалов и особенно заинтересовался рассуждением «О рабстве крестьян». В своем заключении военный суд писал, что генерал Сабанеев и полевой аудиториат 2-й армии и Аудиториатский департамент «через отобрание ответов от майора Раевского по черновым его бумагам могли бы открыть и предупредить случившееся 14 декабря 1825 года происшествие...»²¹.

Хранящиеся в фонде материалы являются в большинстве случаев черновиками, первыми вариантами создававшихся литературных произведений. В них имеются начатые и незаконченные строки, зачеркнутые фразы и целые четверостишия. Некоторые слова с трудом поддаются разбору.

В. Г. Базанов, более других работавший над фондом Раевского, совершенно правильно указывает на то, что «текстологическая проблема изучения черновых автографов Раевского представляется нам исключительно сложной и одновременно интересной, ибо она восстанавливает процесс работы Раевского над поэтическим текстом, процесс напряженных поисков отдельных строк и выражений, сопряженный с тяг-

¹⁷ См. М. А. Цявловский. Эпигоны декабристов. «Голос минувшего», 1917, № 7—8.

¹⁸ См. «Атеней». Историко-литературный временник. Памяти декабристов. «Труды Пушкинского Дома Академии наук СССР». Л., 1926; В. Ф. Раевский. «Красный архив», кн. XIII.

¹⁹ См. П. А. Бейсов. К вопросу о литературном наследстве первого декабриста В. Ф. Раевского. «Сибирские огни», № 3—4; его же. Новое о В. Ф. Раевском. Пушкинский юбилейный сборник. «Ученые записки Ульяновского пединститута».

²⁰ См. В. Г. Базанов. Владимир Федосеевич Раевский. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949.

²¹ ФЦГВИА в Ленинграде. Ф. 9, оп. 11, д. 42, ч. I, л. 25.

чайшими «муками слова»²². Изучение черновиков дает возможность яснее представить творческую лабораторию поэта-декабриста, увидеть, с каким трудом давалась ему та или иная фраза, как он сам чувствовал тяжеловесность своего слога. После тщетных поисков Раевский нередко возвращался к своим старым произведениям, беря из них отдельные отрывки и внося в них некоторые изменения.

К числу таких черновиков, заслуживающих, на наш взгляд, определенного внимания, относится черновик стихотворения Раевского, хранящийся в Флота Центральном Государственном военно-историческом архиве в Ленинграде (фонд № 9).

Черновик начинается с незаконченных и зачеркнутых фраз:

Под крово
На родине моей
О Феб

Затем следуют ровные, законченные стихи, часть из которых зачеркнута (зачеркнутое дается в скобках):

Оставя жизни бурной
Неласковый прием
И блеск честей мишурный
Ты истинным путем

О! П... друг свободы
Под сень святой природы
(И в) с беспечною идешь
Где время золотое
В довольстве и покое
И в неге проведешь
Ни громы в отдаленье
Ни ядер звонкий шум
В минуты сладких дум
В часы отдохновенья
Тебя не воззовут.
(Под) Там с милою семьею
Все радости с тобою
И мудрости приют!
(Пускай любимца славы
На марсовых полях
Там сладко-умственной мечтою
С Декартом Герш...
Декарт и Кант и Лейбниц пред тобою
Один с системою платоновой стезей
Делит материю с душой
Другой)²³

На обороте листа следует продолжение этого стихотворения:

Там с сладко-умственной мечтой
С тобой Платон и Архимед
(Декарт и Кант)
Бюффон с системою земной
И Гершель с циркулем планет

²² В. Г. Базанов. Владимир Федосеевич Раевский, стр. 129.

²³ ФЦГВИА в Ленинграде. Ф. 9, оп. 11, д. 42, т. XI, литер «Б», л. 76.

(Там все с твоей душой согласно
 Твой это непокойный дух
 Вдали от зависти пристрастной.
 Но что ж вдали от зависти пристрастной
 И чужд)
 Там все в гармонии с душой (тобой)
 И чужд клевет и злобы слух
 По что зовешь меня мой друг
 Делить все радости (шастие) с тобой
 Могу ль покоем обладать
 Пловец над пропастью бездонной
 (Как странника пути)
 В отчизне милой, но безродной
 Не ведая куда пристать
 Я в море суеты блуждаю
 Стремлюсь вперед, ищу пути
 В надежде приобрести
 И снова в море уплываю
 (Среди
 В кругу товарищей) ²⁴

Этот черновик, как и почти все остальные, не датирован, но, судя по типу бумаги, почерку, чернилам и рукописям, хранящимся вместе с ним, можно предположить, что он относится к концу 1820 или 1821 году. В папке с указанным черновиком находится вступление к записке «О рабстве крестьян», конспект «О сущности законов Монтескье», начало записок о Бессарабии («Переезжая в Бессарабию из покоренных нами провинций польских приятно почувствовать другой климат и видеть другую землю...»), материалы по учреждению школы взаимного обучения и тетради по преподаванию в юнкерской школе. В ней имеются и отдельные листы из более ранних произведений — начало стихотворения «Песнь воинов перед сражением» и на странице 77 черновик из послания к Г. С. Батенькову.

Судя по началу черновика, В. Ф. Раевский задумал стихотворение, которое начиналось с упоминания о родном крае («Под крово...»), о родине и, следуя существовавшей традиции, о Фебе. Но стихотворение не получалось, и память подсказала ему уже ранее написанные стихи, относящиеся к 1817 году — к периоду жизни в Каменец-Подольске. Они входили в состав стихотворения «Мое прости друзьям» и были адресованы Кисловскому и Преклонскому.

Строки данного стихотворения с 1-й по 18-ю составляли в стихотворении «Мое прости друзьям» с 91-й по 108-ю строку.

**ЧЕРНОВИК СТИХОТВОРЕНИЯ,
 ХРАНЯЩЕГОСЯ В АРХИВЕ**

Оставя жизни бурной
 Неласковый прием
 И блеск честей мишурный

МОЕ ПРОСТИ ДРУЗЬЯМ ²⁵

Оставя жизни бурной
 Неласковый прием
 И блеск честей мишурный

²⁴ ФЦГВИА в Ленинграде. Ф. 9, оп. 11, д. 42, т. XI, литер «Б», л. 76 об.

²⁵ См. В. Раевский. Стихотворения. Л., «Советский писатель», 1952, стр. 91.

Ты истинным путем
О! П... друг свободы
Под сень святой природы
С беспечною идешь
Где время золотое
В довольстве и покое
И в неге проведешь
Ни громы в отдаленье
Ни ядер звонкий шум
В минуты сладких дум
В часы отдохновения
Тебя не воззовут
Там с милою семьею
Все радости с тобою
И мудрости приют!

Ты истинным путем
Кисловский, друг свободы
Под сень *самой* природы
Нетрепетно идешь
Где время золотое
В беспечности, покое
Ты мирно проведешь
Ни громы в отдаленье
Ни ядер звонкий шум
В минуты сладких дум
В часы отдохновения
Тебя не воззовут
Под кровлею родною
Там счастье с тобою!
Там дружества приют!

Кто же этот новый адресат стихотворения и что было общего между ним и тем, кому оно адресовалось раньше? Почему возникла мысль перенести ранее написанные строки в новое стихотворение?

Отрывок из стихотворения «Мое прости друзьям» относился к Кисловскому — члену дружеского офицерского кружка, основанного Раевским в Каменец-Подольске. Новый адресат переделанного стихотворения также оставил «блеск честей мишурных», то есть свет, высшее общество и «неласковый прием бурной жизни». Он шел «истинным путем» под сень природы, фамилия его начиналась на букву «П», и Раевский называл его «другом свободы». Из людей близких к нему Раевский мог называть «другом свободы» генерала П. С. Пущина и А. С. Пушкина. Пущин был организатором масонской ложи «Овидий», в которую входил и Раевский.

Однако обращение «друг свободы» в большей мере могло быть отнесено к самому А. С. Пушкину. «Неласковый прием» жизни также вполне мог относиться к А. С. Пушкину, сосланному на юг за вольнолюбивые произведения.

Описывая стремление к уединению «под сень природы», Раевский также мог иметь в виду любовь поэта к изучению жизни молдавского народа, его поэзии, природы. Изменения, внесенные в старый текст (замена слова «нетрепетно» словом «с беспечною», вместо «ты мирно проведешь» — «и в неге проведешь» и т. д.), также могли быть связаны с особенностями характера молодого поэта.

Перенесение текста из одного произведения в другое с внесением небольших изменений могло произойти по той простой причине, что оно не предназначалось для печатания, а создание совершенно новых произведений для Раевского было связано с большими творческими муками. Об этом убедительно свидетельствуют последующие строки стихотворения. Говоря о радостях милой семьи, друзьях, приюте мудрости, упоминая о Декарте, Гершеле, Канте, Лейбнице, Платоне, Архимеде, о гармонии души, Раевский несколько раз перечеркивает строки, ищет удачной формы и не находит ее.

Более отработанной является последняя часть стихотворения, в которой Раевский говорит о том, что он не может делить с другом радости покоя, так как он «пловец над пропастью бездонной». Этим он заявляет, что «сладко-умственная мечта» философа не для него; его путь — блуждание в море суеты, стремление вперед. Это описание пути пловца — намек на свою революционную деятельность. Сравнение себя с пловцом над пропастью бездонной часто встречается в произведениях Раевского. В стихотворении «К моей спящей» он писал:

Но, небо! Ты спасло пловца от ярых волн...
И мой разрушенный до половины челн —
В цветущей пристани,
Где не надолго, может быть...
Мне суждено сосуд всех радостей испытать...²⁶

Позднее в произведении «К друзьям в Кишинев» Раевский развивал эту мысль дальше:

Пловец, твой кончен путь подбрежный,
Мужайся, жди бедам конца
В одежде скромной мудреца,
А в сердце с твердостью железной²⁷.

Эта идея сравнения себя с пловцом в безбрежном море прошла с Раевским через всю его жизнь.

В своем последнем произведении, в послании к дочери, которое является обращением к молодому поколению, Раевский подводил итог борьбы пловца:

О друг мой, с бурей и грозой
И с разъяренными волнами
Отец боролся долго твой...
Он видел берег в отдаленьи,
Там свет зари ему блистал,
Он взором пристани искал
И смело верил в провиденье:
Но гром ударил в тишине...
Как будто бы в ужасном сне
На бреге диком и бесплодном
Почти безлюдном и холодном
Борьбой измученный пловец
Себя увидел как пришелец
Другого мира²⁸.

Раевский сравнивал себя с пловцом в бушующем море и в более раннем произведении — в послании к Г. С. Батенькову. В черновике середины и конца этого стихотворения, хранящемся в архивном деле, на странице 77 (после страницы 76 и 76 оборот) дается почти тот же вариант, но с небольшими изменениями:

²⁶ В. Раевский. Стихотворения, стр. 140.

²⁷ Там же, стр. 147.

²⁸ Там же, стр. 182.

ЧЕРНОВОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ
К П...

Там все гармонии с душой
(с тобой)
И чужд клевет и злобы слух
Почто зовешь меня мой друг
Делить все радости (шаштие)
с тобой!
Могу ль покоем обладать
Пловец над пропастью бездонной
(как странника пути)
В отчизне милой, но безродной
Не ведая куда пристать
Я в море суеты блуждаю
Стремлюсь вперед, ишу пути
В надежде приобрести
И снова в море уплываю
(среди
В кругу товарищей)²⁹.

ЧЕРНОВОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ
К Г. С. БАТЕНЬКОВУ

(Там) И в гармонии с душой
И чужд клевет и злобы слух
(И от Киприды милый друг
И если нужно милый друг и
пред тобою
Народа (Церцей) сын готов мой
друг)
А я в кругу предрассуждений
Порока зависти сует
Нелепых ядовитых мнений
И поминутно новых бед
В отчизне милой но безродной
Пловец над пропастью бездонной
Носим по зыблящим валам
Зрю пристань, руки простираю
Стремлюсь к желанным берегам
И снова в море уплываю³⁰.

Таким образом, мы видим, что и в одном и в другом стихотворении с некоторыми вариантами повторяется идея о пловце, ищущем и не находящем пути. Это повторение дало основание Ю. Г. Оксману, впервые опубликовавшему в 1926 году стихотворение В. Ф. Раевского к Г. С. Батенькову, счесть строки на странице 76 (оборот) вариантом стихотворения к Батенькову, имеющегося в деле на странице 77. Публикуя во временнике «Атеней» стихотворение по рукописям фонда Раевского, Ю. Г. Оксман дал концовку, совпадающую с текстом на странице 76 (оборот), а в примечании³¹ опубликовал второй вариант концовки со страницы 77. В сборник стихотворений Раевского, подготовленный к печати В. Г. Базановым, послание к Г. С. Батенькову («Когда над родиной моей...») вошло по публикации Ю. Г. Оксмана.

Таким образом, часть черновика более позднего стихотворения, адресованного к Пушкину, вошла в состав послания к Г. С. Батенькову. Произошло это, на наш взгляд, по следующей причине. Ю. Г. Оксман, который провел огромную работу по сбору разрозненных листов послания к Г. С. Батенькову, не учел нарушения последовательности расположения листов и принял лист 76 (оборот) за другой вариант стихотворения к Г. С. Батенькову, имевшегося рядом с ним на листе 77. Это могло произойти из-за общности сюжета о пловце, упоминания о гармонии души и перечисления имен мужей науки. Но, как уже говорилось раньше, сюжет о пловце был излюбленным сю-

²⁹ ФЦГВИА в Ленинграде. Ф. 9, оп. 11, д. 42, т. XI, литер «Б», л. 76 об.

³⁰ Там же, л. 77.

³¹ См. «Атеней». Историко-литературный временник. Памяти декабристов. «Труды Пушкинского Дома Академии наук СССР». Л., 1926, кн. III, стр. 28.

жетом Раевского со времени его вступления на путь активной борьбы, а о гармонии и ученых он упоминает и в ряде других произведений. В стихотворении «Свидание» он писал: «Все в гармонии со мной»³². О Невтоне, Гершеле, Эйлере, Лейбнице Раевский писал и в первом послании к Г. С. Батенькову³³, и в стихотворении «Как в разноязычный ручей быстротекущий»³⁴, и в ряде других произведений. На самом же деле обнаруженное на странице 76 и 76 (оборот) стихотворение является черновиком самостоятельного стихотворения В. Ф. Раевского, адресованного к его ближайшему другу кишиневского периода деятельности А. С. Пушкину. Как показывает проведенное сравнение частей стихотворения с другими произведениями Раевского, стихотворение не является абсолютно новым и оригинальным. В нем, как уже говорилось раньше, имеется слегка измененный отрывок из стихотворения «Мое прости друзьям» (Кисловскому и Приклонскому) и вариант, близко совпадающий с концом второго послания к Г. С. Батенькову. Зачеркнутые строки, которые по своей форме не удовлетворили поэта-декабриста, особенно интересны для нас. Они дают возможность предположить, что А. С. Пушкин, «оставя жизни бурной неласковый прием», под влиянием Раевского интересовался философией Канта, системой Лейбница. «Сладко-умственная мечта» философии и науки до некоторой степени, по мнению Раевского, могла дать гармонию беспокойному духу поэта, оградить его слух от клеветы и злобы. Сам же поэт-декабрист не мог разделить счастье занятия философией и наукой. Его путь — путь борца, путь пловца в безбрежном море суеты. Пловец в поисках пути уплывает в море, но зачеркнутые строки показывают, что он не один, а «среди... в кругу товарищей». Это намек на организацию декабристов, на группу, круг товарищей, разделяющих его взгляды.

Таким образом, мы можем предположить, что найденный черновик является ранним стихотворением В. Ф. Раевского, адресованным А. С. Пушкину, показывающим трудный творческий путь поэта-декабриста, тот путь, который после долгих исканий привел Раевского к шедевру его творчества — стихотворениям «К друзьям в Кишинев» и «Певец в темнице», написанным в Тираспольской крепости.

³² В. Раевский. Стихотворения, стр. 110.

³³ Там же, стр. 100.

³⁴ См. В. Г. Базанов. Владимир Федосеевич Раевский, стр. 178.

~~Свободы~~
~~Не забудь~~

~~Свободы~~
 Остатки свободы державы
 Келиевой пугилар
 К Шекле и всей самодержавия!
 Мы и сестры нашей
 О! духе свободы
 Над сев святой природы
 Кто беспристрастно ведишь
 Вдв время зоркого
 На до вь восте и поже,
 и восте правды!
 Ли уроне во отдакени
 Ли идее зловкия шкль
 Во минути восткии стне
 Во восте отдакени
 Мбе вострове
 Над ^{мне} в малое селне
 Вк правде и восте
 и мудрости уиотъ!....
 А...
 Келие! мб мб мб мб
 на мб мб мб мб

~~Мало во агно-сисе восте мб мб мб~~
~~Об вострове вострове~~
~~Восте восте восте восте~~
~~Восте восте восте восте~~
~~Восте восте восте восте~~
~~Восте восте восте восте~~

Правно - во свете древней и новой
~~истины, а именно~~ ^{истины} Платона и Аристотеля,
Гонимых и гонимых
Скопировано со светлого списка,
И приписка со светлого списка
~~Минус все от предельных сочинений~~
~~по поводу этого вопроса~~ ~~приписка~~
~~Скопировано со светлого списка~~
~~по поводу этого вопроса~~ ~~приписка~~
на 10 стр.

Правно - все от светлого списка
~~список~~ ~~по поводу~~ ~~этого~~ ~~вопроса~~ ~~приписка~~
Пока не забыл упомянуть мой друг
Иван Иванович ~~в~~ ^{на} ~~этом~~
момента - то пожелал бы сказать
Правильно - имеет отношение к делу
~~на~~ ~~этом~~
во отношении к делу ~~приписка~~
Кстати, не забыл упомянуть
и то, что этот вопрос
составляет предмет изучения
во отношении к делу ~~приписка~~
и имеет в себе много интересного

Список
со светлого списка

Черновик рукописи В. Ф. Раевского (продолжение)

ПУШКИНСКИЕ НАУЧНЫЕ КОМИССИИ ИНСТИТУТА
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ МФ АН СССР И ОДЕССКОГО ДОМА
УЧЕНЫХ

ПУШКИН
НА ЮГЕ

Труды
Пушкинской конференции
Одессы и
Кишинева

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ШТИНЦА»
МОЛДАВСКОГО ФИЛИАЛА АКАДЕМИИ НАУК СССР
КИШИНЕВ * 1961